

Время МН — 2003 24 мая — с. 7

Суп и облака

Анатолий Найман в процессе еды и беседы

Сразу оговорюсь, название заимствовано у Бодлера. Из его стихотворения в прозе. В нем поэт созерцает в открытом окне плавающие замки, в то время как его возлюбленная подает на стол... А заканчивается стихотворение чарующим, словно осыпшим от водки, голосом «маленькой дурочки»: «Скоро ли вы приметесь за суп, грязная скотина, торговец облаками?» Весь этот пересказ к тому, что другой поэт, Анатолий Найман, который даже свою прозу стремится превратить в поэзию, вдруг, а может, и не вдруг, написал поваренную книгу. И называется книга: «Процесс еды и беседы».

Беседовала Ирина Барметова

— На мой взгляд, довольно-таки симпатичное лукавство это сочетание слов — еда и беседа, которые, поскольку ударение не совпадает, есть лишь «наглядная» рифма. Тем не менее в названии книги слово «беседа» выглядит как некий бес еды: вот мы лопаем эту самую пищу, наш язык участвует в еде, и в то же время он рвется, оставляя зубам монотонную работу, чтобы что-то сказать.

К тому же есть наблюдение: если ловишь себя на том, что уже минут сорок жуешь непрерывно, это плохой симптом. Мышцы головы изнутри и снаружи теряют навык работы речи — только на глотание. На завтра, когда проснешься, может налететь уныние, воспоминание о скуке, в которой прошло застолье. Русское убеждение, что еда развлекает и выступает чуть ли не орудием борьбы с тоской, увы, ошибочно. (Из новой книги).

В фильме Феллини «Дорога» цирковой силач, рвущий цепи, брутальный тип, противопоставлен клоуну — хрупкому, умнейшему и проницательнейшему существу. Клоун раздражает силача, и в конце концов он убивает клоуна. Скажу банальность, но от этого суть не уменьшится: тем самым герой убивает свою душу.

Одной из кульминационных сцен картины силач с женщиной, такой страшной, с лошадиными зубами, поедает макароны... в полном молчании, непрерывно жуя. Так едят не люди... А заканчивается фильм кадрами, когда этот силач рыдает на пустынном пляже. Если провести прямую связь между описанной сценой и финальной, то выходит — еда была в жизни силача не чем иным, как насыщением.

— Это может служить некой метафорой вашей книги?

— Не книги, сама книга есть метафора чего-то... Может быть, времени? Любые нувориши в любых странах и в любые времена сперва требуют: «Сделайте мне красиво! Чтобы стол ломился и куверты чтобы золотые...». Потом довольно быстро наступает самовоспитание: золотая парча на столе начинает учить, что вообще-то ее надо заменить на крахмальную скатерть. Прошло всего-то десять — пятнадцать лет, а в определенном слое нашего общества совершенно изменился стиль еды. Понятно, что большинство в стране — это все-таки люди бедные, для которых еда — лишь утоление голода. Но все же появились слой людей, которые предпочитают вкусную и, главное, изысканную еду, а не еду вообще и даже начинают понимать в этом толк. Помню рассказ из прежних времен. Однажды некие советские научные работники, из тех, кто плавал на больших исследовательских судах, попали в Сингапур. И решили зайти в ресторан, что для тех времен было поступком. Еще каким поступком! Там им подали меню, но сориентироваться они не могли, так как ни одного названия блюд не знали. Стали выбирать по цене, нашли блюдо в сто долларов и заказали каждому по порции. И вот на столе появилось нечто совершенно невероятное: огромное блюдо, наполненное яствами невиданно ярких цветов и изысканных форм. Один из наших героев репнулся наконец и ткнул вилок в это совершенство... И вдруг вся эта роскошная еда побежала в разные стороны, так как состояла она из живых морских продуктов... Вот какие блюда можно заказывать! В этом смысле сейчас сделан такой шаг, который не снился и членам политбюро. Что они ели? Ну, финскую салями и утешенное болгарское лечо. А теперь едят необыкновенное, но говорят... говорят, как умеют. И тем самым и трапеза, и разговор за столом превращаются в змею, кусающую себя за хвост. У нашей книги есть абсолютно точный адресат: если вы хотите, готовы и умеете вкусно есть, не хотите ли вы, не готовы ли вы, не умеете ли вы вкусно говорить?

— И это составляет отличие от книг других литераторов, увлекательно учивших нас готовить снуды. Но не впадаете ли вы в назидательный тон некой инструкции, вроде «Как правильно провести свадьбу», ведь подажников книги: сто кулинарных и интеллектуальных рецептов. Значит ли это, что каждому кулинарному рецепту соответствует тема разговора?

— Есть только направление. Как в диксе — проверили на мелодию, а дальше пошла импровизация. Но основная мелодия должна быть проработана абсолютно отчетливо. Именно поэтому ясно, почему за рыбным супом нужно говорить об истории, а почему, говоря об истории, мы утыкаемся, главным образом, в историю жестокости. Вот пример, известнее не бывает, — Валтасаров пир. Когда в ночь взятия Вавилона царь Валтасар устроил пир с редкостными яствами, с золотыми сосудами из иерусалимских храмов вместо посуды. Вдруг в разгар пира на стене вспыхивают таинственные слова: «Мене, мене, теке, упарсин». Призванный Валтасаром пророк Даниил расшифровывает их: «Ты взвешен и найден легким». Выходит, что побеждают, да так, что и золы не оставляют, слова.

Поэт Осип Мандельштам, в 1930-е годы слушавший в библиотеке концерт по нашинкам, выгнал пришедшую даму, которая, тоже надев нашинки, стала под музыку читать книгу: одно искусство аннулировало другое. Но еда и разговор не равны между собой... Лакомиться и отдавать должное кулинарии не запрещено, но под разговор. Под разговор, но не идущий в ущерб кушанью.

Анатолий Найман с соавтором жизни и книги Галиной Найман

Пусть в худшем случае под деловой про фатчеры и выочерсы или даже под примитивное бандитское толковище, хотя базары такого рода — все-таки профанация еды. Но это, по крайней мере, разводит еду по двум планам: какой-никакой пищеварительный и какой-никакой мыслительный. Популярный в нынешние времена анекдот. Официальный прием, фуршет, русский объясняет западному человеку: выпивай, закусывай... Спасибо, не хочу... На халаву же... Не хочу, спасибо... Вон коньяк, тарталетки с паштетом... Не хочу... На халаву... Спасибо... Может, винца, орешков?... Я сказал: нет... Да бери, пока дают... Западный человек, сердясь: «Я ем, когда хочу, и пью, когда хочу». Русский, с презрением: «Животное...» По идее анекдота юмор в том, что, мол, животное-то русский: что положили в корыто, то и ест. А между тем скорее ведь западный: соображает, видит ли, с позовами голода и жажды. Так сказать, разумное животное. Тогда как наш — простая душа: угощают, и нечего тут рассуждать. Образец гостеприимства: приглашает к столу, заводит беседу. И тем самым выделяет едока из обще-животного царства, в котором пир — это птичка, и червячок у нее в клюве, и ничего сверх, даже примитивного писка.

— А как пришла идея этой книги? Ну, например, сидели как-то мы на даче...

— Нет-нет, детали не так интересны, а вот идея... Жизнь — песочные часы, верхняя половина — остаток, он все сужается, сужается... И я постоянно всматриваюсь в ту, верхнюю половину часов... Чем же это было, когда она была еще полна и тяжела, и почему она уходила с такой скоростью? Что составляет жизнь? Проживания, воспоминания, вглядывания и понимания. И об этом все книги, которые я написал.

— В ваших романах, которые изобилуют подробностями и деталями, вы никогда не уделяли особого внимания описанию и вообще поэтике еды.

— Правильно. И получилось — еда в обиде. Было бы странно пропустить один из самых горячих компонентов жизни...

— Самый горячий компонент жизни — это жаркое... (не реагируя, даже из вежливости, на несложную шутку)

— ...потому что у нас десятилетия доставание еды было чем-то вроде охоты: мясо, которое тебе выносят с черного хода, непонятно, какое это мясо, ты его быстро прячешь и быстро уходишь... потому что вдруг накроют!.. Все время ощущаешь себя таким карикатурным охотником.

— Конечно, мое мнение не специалиста, и можно предположить, что я вообще варю сосиски в кофейнике, но смею утверждать, что рецепты кушаний, приведенные соавтором книги Галиной Наринской, изысканны. Откуда они?

— Эта часть книги написана на основе личного и проверенного исторического опыта. Признаться, мне нравятся старинные рецепты, где есть такие единицы, как гран, а не грамм, и пленительное впечатление производит фраза: «Возьмите столько-то головок гвоздики». А вообще еда — одна из важнейших частей нашей жизни. Еда, когда мы молодые, потом, когда дети растут, наши событийные и семейные трапезы — это все еда, еда и еда. Однако одно из главных человеческих качеств — высокомерие. Поэтому в ходу рассуждения: что это мы будем едой заниматься? Мы — другого полета, мы все в духовном, ведь мы самая духовная страна... У нас ведь как цитируют Евангелие о Марфе и Марии? При этом еще так назидательно пальчиком грозят — говорит Иисус: Марфа, Марфа, ты заботишься и суетишься о многом, Мария же избрала благую часть. Вот как надо — Мария избрала благую часть — она сидит и слушает. Но, знаете, самая духовная женщина, которую я встретил за свою жизнь, была, по сути, Марфой. Она готовила, суетилась... Все Марии были, увы, не без ханжества...

— А Марфу из нового романа «Все и каждый» вы не надели качествами, соответствующими ее имени, и, в конце концов, она уходит в монастырь...

— Конечно, героиня названа не случайно, но в романе имя не только имеет принадлежность евангельскую, но и историческую. Такой характер, в России — это Марфа Посадница, преломлен в современной жизни. Преломлен и оптически, и в смысле переломлен. Да, моя Марфа уходит в монастырь, и уж если разговор пошел на такую тему, то я скажу... на меня очень сильное впечатление произвело и всю жизнь с этим живу, как Ахматова произнесла почти... со стоном, это не был стон, но выглядело как стон: «Да я ничего другого не хочу, как уйти в монастырь, если бы это было возможно!» И происходило это с глазу на глаз, а не то чтобы широковещательно. Я об этом написал в «Рассказах о Анне Ахматовой», написал суше, чем сейчас рассказываю. Вот это — «если бы было возможно» — и осуществлено в романе.

— Вами в журнале «Октябрь», где публикуется сейчас «Процесс еды и беседы», придумана рубрика «Метафизика быта», а как насчет традиционного представления, что негоже поэтам и толстым журналам до быта опускаться?..

— Метафизика в том смысле, когда исчезла, исчерпалась — физика исследуемого предмета. Ну, скажем, все путешествия проделаны, и уже интерес представляет метафизика путешествия по тем же маршрутам. И тогда появляются не просто путевые заметки, а взгляд путешественника через метафизические линзы. Мы можем говорить об обеде как о метафизическом путешествии по блюдам или можно написать о другом аспекте быта — метафизике стирки, метафизике стиральной машины. Покупается стиральная машина не для того, чтобы ее включить и тут же Лоске позвонить. Машина — служанка-то служанка, но другого хозяйства... Клеопатра, которая вряд ли белье стирала и у которой были служанки, которые также этим не занимались, так как были приближенными, знала предназначение прислуги. Царица не сама себе змейку посадила на грудь, а служанке приказала принести. Так вот, стиральная машина и есть та наперсница-служанка, какая-нибудь «Занус-е-си» или фиг ее знает, которая освобождает время, а ты уж почепи в затылке и подумай, как им распорядиться. Я против того, чтобы делить темы на высокие и низкие: мол, этими литературному журналу пристало заниматься, а этими — фи! Пушкинская Литературка небось не безголова модами и ресторанами. Кстати, в книге мы помещаем репродукции картин наших друзей-приятелей-художников: Целкова, Янкилевского, Купера, Плавинского, Заборова, добрых полтора десятков — на тему о еде. Это как, высоко или не вполне?

— Пир как симпозиум, в платоновском понимании, для вас всегда был на первом месте?

— Довлатов как-то раз заметил, что сейчас появилась целая поросль непьющих поэтов и привел фамилии, среди которых была и моя. Первая реакция — позвольте, это как это? Да я помню, как каждый вечер по столько-то и побольше, чем столько-то, а потом еще утреннее похмелье... Но, когда дальше пошел список пьющих, я понял: прав он, отнес меня и тех, кого можно назвать моими «собутельниками», в первый перечень. Потому что в России пьющий — это совсем иная, чем где-либо, категория. Точно такая же разница между пиром и обжорством. В то время как нет различия между пиром и насыщенным, красноречивым вечером. И, вспоминая наши обеды с Ахматовой, я не могу досконально воспроизвести, за каким блюдом что говорилось, но если вкусным блюдом считалась чечевичная похлебка (а по тем меркам, это было яство), то говорилось всегда нечто, далеко превосходящее чечевичную похлебку.